

Любовь К Жизни - Английский И Русский Параллельные Тексты

Джек Лондон

Джек Лондон. Любовь к жизни

LOVE OF LIFE "This out of all will remain-They have lived and have tossed: So much of the game will be gain, Though the gold of the dice has been lost."	Джек Лондон. Любовь к жизни
They limped painfully down the bank, and once the foremost of the two men staggered among the rough-strewn rocks.	Прихрамывая, они спустились к речке, и один раз тот, что шел впереди, зашатался, споткнувшись посреди каменной россыпи.
They were tired and weak, and their faces had the drawn expression of patience which comes of hardship long endured.	Оба устали и выбились из сил, и лица их выражали терпеливую покорность - след долгих лишений.
They were heavily burdened with blanket packs which were strapped to their shoulders. Head-straps, passing across the forehead, helped support these packs.	Плечи им оттягивали тяжелые тюки, стянутые ремнями.
Each man carried a rifle.	Каждый из них нес ружье.
They walked in a stooped posture, the shoulders well forward, the head still farther forward, the eyes bent upon the ground.	Оба шли согнувшись, низко нагнув голову и не поднимая глаз.
"I wish we had just about two of them cartridges that's layin' in that cache of ours," said the second man.	- Хорошо бы иметь хоть два патрона из тех, что лежат у нас в тайнике, - сказал один.
His voice was utterly and drearily expressionless.	Голос его звучал вяло, без всякого выражения.
He spoke without enthusiasm; and the first man, limping into the milky stream that foamed over the rocks, vouchsafed no reply.	Он говорил равнодушно, и его спутник, только что ступивший в молочно-белую воду, пенящуюся по камням, ничего ему не ответил.
The other man followed at his heels.	Второй тоже вошел в речку вслед за первым.
They did not remove their foot-gear, though the water was icy cold-so cold that their ankles ached and their feet went numb.	Они не разулись, хотя вода была холодная, как лед, - такая холодная, что ноги у них и даже пальцы на ногах онемели от холода.
In places the water dashed against their knees, and both men staggered for footing.	Местами вода захлестывала колени, и оба они пошатывались, теряя опору.
The man who followed slipped on a smooth boulder, nearly fell, but recovered himself with a violent effort, at the same time uttering a sharp exclamation of pain.	Второй путник поскользнулся на гладком валуне и чуть не упал, но удержался на ногах, громко вскрикнув от боли.
He seemed faint and dizzy and put out his free hand while he reeled, as though seeking support against the air.	Должно быть, у него закружилась голова, - он пошатнулся и замахал свободной рукой, словно хватаясь за воздух.
When he had steadied himself he stepped forward, but reeled again and nearly fell.	Справившись с собой, он шагнул вперед, но снова пошатнулся и чуть не упал.
Then he stood still and looked at the other man, who had never turned his head.	Тогда он остановился и посмотрел на своего спутника: тот все так же шел впереди, даже не оглядываясь.
The man stood still for fully a minute, as though debating with himself. Then he called out:	Целую минуту он стоял неподвижно, словно раздумывая, потом крикнул:
"I say, Bill, I've sprained my ankle."	- Слушай, Билл, я вывихнул ногу!

Bill staggered on through the milky water.	Билл ковылял дальше по молочно-белой воде.
He did not look around.	Он ни разу не оглянулся.
The man watched him go, and though his face was	Второй смотрел ему вслед, и хотя его лицо

expressionless as ever, his eyes were like the eyes of a wounded deer.	оставалось по-прежнему тупым, в глазах появилась тоска, словно у раненого оленя.
The other man limped up the farther bank and continued straight on without looking back.	Билл уже выбрался на другой берег и плелся дальше.
The man in the stream watched him.	Тот, что стоял посреди речки, не сводил с него глаз.
His lips trembled a little, so that the rough thatch of brown hair which covered them was visibly agitated.	Губы у него так сильно дрожали, что шевелились жесткие рыжие усы над ними.
His tongue even strayed out to moisten them.	Он облизнул сухие губы кончиком языка.
"Bill!" he cried out.	- Билл! - крикнул он.
It was the pleading cry of a strong man in distress, but Bill's head did not turn.	Это была отчаянная мольба человека, попавшего в беду, но Билл не повернул головы.
The man watched him go, limping grotesquely and lurching forward with stammering gait up the slow slope toward the soft sky-line of the low-lying hill.	Его товарищ долго следил, как он неуклюжей походкой, прихрамывая и спотыкаясь, взбирается по отлогому склону к волнистой линии горизонта, образованной гребнем невысокого холма.
He watched him go till he passed over the crest and disappeared.	Следил до тех пор, пока Билл не скрылся из виду, перевалив за гребень.
Then he turned his gaze and slowly took in the circle of the world that remained to him now that Bill was gone.	Тогда он отвернулся и медленно обвел взглядом тот круг вселенной, в котором он остался один после ухода Билла.
Near the horizon the sun was smouldering dimly, almost obscured by formless mists and vapors, which gave an impression of mass and density without outline or tangibility.	Над самым горизонтом тускло светило солнце, едва видное сквозь мглу и густой туман, который лежал плотной пеленой, без видимых границ и очертаний.
The man pulled out his watch, the while resting his weight on one leg.	Опираясь на одну ногу всей своей тяжестью, путник достал часы.
It was four o'clock, and as the season was near the last of July or first of August, -he did not know the precise date within a week or two, -he knew that the sun roughly marked the northwest.	Было уже четыре. Последние недели две он сбился со счета; так как стоял конец июля и начало августа, то он знал, что солнце должно находиться на северо-западе.
He looked to the south and knew that somewhere beyond those bleak hills lay the Great Bear Lake; also, he knew that in that direction the Arctic Circle cut its forbidding way across the Canadian Barrens.	Он взглянул на юг, соображая, что где-то там, за этими мрачными холмами, лежит Большое Медвежье озеро и что в том же направлении проходит по канадской равнине страшный путь Полярного круга.
This stream in which he stood was a feeder to the Coppermine River, which in turn flowed north and emptied into Coronation Gulf and the Arctic Ocean.	Речка, посреди которой он стоял, была притоком реки Коппермайн, а Коппермайн течет также на север и впадает в залив Коронации, в Северный Ледовитый океан.
He had never been there, but he had seen it, once, on a Hudson Bay Company chart.	Сам он никогда не бывал там, но видел эти места на карте Компании Гудзонова залива.

Again his gaze completed the circle of the world about him.	Он снова окинул взглядом тот круг вселенной, в котором остался теперь один.
It was not a heartening spectacle.	Картина была невеселая.
Everywhere was soft sky-line. The hills were all low-lying.	Низкие холмы замыкали горизонт однообразной волнистой линией.
There were no trees, no shrubs, no grasses-naught but a tremendous and terrible desolation that sent fear swiftly dawning into his eyes.	Ни деревьев, ни кустов, ни травы, - ничего, кроме беспредельной и страшной пустыни, - и в его глазах появилось выражение страха.
"Bill!" he whispered, once and twice; "Bill!"	- Билл! - прошептал он и повторил опять: - Билл!
He cowered in the midst of the milky water, as though the vastness were pressing in upon him with overwhelming force, brutally crushing him with its complacent awfulness.	Он присел на корточки посреди мутного ручья, словно бескрайняя пустыня подавляла его своей несокрушимой силой, угнетала своим страшным спокойствием.
He began to shake as with an ague-fit, till the gun fell from his hand with a splash.	Он задрожал, словно в лихорадке, и его ружье с плеском упало в воду.
This served to rouse him.	Это заставило его опомниться.
He fought with his fear and pulled himself together, groping in the water and recovering the weapon. He hitched his pack farther over on his left shoulder, so as to take a portion of its weight from off the injured ankle.	Он пересилил свой страх, собрался с духом и, опустив руку в воду, нашарил ружье, потом передвинул тюк ближе к левому плечу, чтобы тяжесть меньше давила на больную ногу, и

Then he proceeded, slowly and carefully, wincing with pain, to the bank.	медленно и осторожно пошел к берегу, морщась от боли.
He did not stop.	Он шел не останавливаясь.
With a desperation that was madness, unmindful of the pain, he hurried up the slope to the crest of the hill over which his comrade had disappeared-more grotesque and comical by far than that limping, jerking comrade.	Не обращая внимания на боль, с отчаянной решимостью, он торопливо взбирался на вершину холма, за гребнем которого скрылся Билл, - и сам он казался еще более смешным и неуклюжим, чем хромым, едва ковылявший Билл.
But at the crest he saw a shallow valley, empty of life.	Но с гребня он увидел, что в неглубокой долине никого нет!
He fought with his fear again, overcame it, hitched the pack still farther over on his left shoulder, and lurched on down the slope.	На него снова напал страх, и, снова поборов его, он передвинул тюк еще дальше к левому плечу и, хромая, стал спускаться вниз.
The bottom of the valley was soggy with water, which the thick moss held, spongelike, close to the surface.	Дно долины было болотистое, вода пропитывала густой мох, словно губку.
This water squirted out from under his feet at every step, and each time he lifted a foot the action culminated in a sucking sound as the wet moss reluctantly released its grip.	На каждом шагу она брызгала из-под ног, и подошва с хлюпаньем отрывалась от влажного мха.
He picked his way from muskeg to muskeg, and followed the other man's footsteps along and across the rocky ledges which thrust like islets through the sea of moss.	Стараясь идти по следам Билла, путник перебирался от озерка к озерку, по камням, торчавшим во мху, как островки.
Though alone, he was not lost.	Оставшись один, он не сбился с пути.

Farther on he knew he would come to where dead spruce and fir, very small and weazened, bordered the shore of a little lake, the titchin-nichilie, in the tongue of the country, the "land of little sticks."	Он знал, что еще немного - и он подойдет к тому месту, где сухие пихты и ели, низенькие и чахлые, окружают маленькое озеро Титчинничили, что на местном языке означает: "Страна Маленьких Палок".
And into that lake flowed a small stream, the water of which was not milky.	А в озеро впадает ручей, и вода в нем не мутная.
There was rush-grass on that stream-this he remembered well-but no timber, and he would follow it till its first trickle ceased at a divide.	По берегам ручья растет камыш - это он хорошо помнил, - но деревьев там нет, и он пойдет вверх по ручью до самого водораздела.
He would cross this divide to the first trickle of another stream, flowing to the west, which he would follow until it emptied into the river Dease, and here he would find a cache under an upturned canoe and piled over with many rocks.	От водораздела начинается другой ручей, текущий на запад; он спустится по нему до реки Диз и там найдет свой тайник под перевернутым челноком, заваленным камнями.
And in this cache would be ammunition for his empty gun, fish-hooks and lines, a small net-all the utilities for the killing and snaring of food.	В тайнике спрятаны патроны, крючки и лески для удочек и маленькая сеть - все нужное для того, чтобы добывать себе пропитание.
Also, he would find flour,-not much,-a piece of bacon, and some beans.	А еще там есть мука - правда, немного, и кусок грудинки, и бобы.
Bill would be waiting for him there, and they would paddle away south down the Dease to the Great Bear Lake. And south across the lake they would go, ever south, till they gained the Mackenzie. And south, still south, they would go, while the winter raced vainly after them, and the ice formed in the eddies, and the days grew chill and crisp, south to some warm Hudson Bay Company post, where timber grew tall and generous and there was grub without end.	Билл подождет его там, и они вдвоем спустятся по реке Диз до Большого Медвежьего озера, а потом переправятся через озеро и пойдут на юг, все на юг, - а зима будет догонять их, и быстрину в реке затянет льдом, и дни станут холодней, - на юг, к какой-нибудь фактории Гудзонова залива, где растут высокие, мощные деревья и где сколько хочешь еды.
These were the thoughts of the man as he strove onward.	Вот о чем думал путник с трудом пробираясь вперед.
But hard as he strove with his body, he strove equally hard with his mind, trying to think that Bill had not deserted him, that Bill would surely wait for him at the cache.	Но как ни трудно было ему идти, еще труднее было уверить себя в том, что Билл его не бросил, что Билл, конечно, ждет его у тайника.
He was compelled to think this thought, or else there would not be any use to strive, and he would have lain down and died.	Он должен был так думать, иначе не имело никакого смысла бороться дальше, - оставалось только лечь на землю и умереть.

And as the dim ball of the sun sank slowly into the northwest he covered every inch-and many times-of his and Bill's flight south before the downcoming winter.	И пока тусклый диск солнца медленно скрывался на северо-западе, он успел рассчитать - и не один раз - каждый шаг того пути, который предстоит проделать им с Биллом, уходя на юг от наступающей зимы.
And he conned the grub of the cache and the grub of the Hudson Bay Company post over and over again.	Он снова и снова перебирал мысленно запасы пищи в своем тайнике и запасы на складе Компании Гудзонова залива.
He had not eaten for two days; for a far longer time he had not had all he wanted to eat.	Он ничего не ел уже два дня, но еще дольше он не ел досыта.

Often he stooped and picked pale muskeg berries, put them into his mouth, and chewed and swallowed them.	То и дело он нагибался, срывал бледные болотные ягоды, клал их в рот, жевал и проглатывал.
A muskeg berry is a bit of seed enclosed in a bit of water. In the mouth the water melts away and the seed chews sharp and bitter.	Ягоды были водянистые и быстро таяли во рту, - оставалось только горькое жесткое семя.
The man knew there was no nourishment in the berries, but he chewed them patiently with a hope greater than knowledge and defying experience.	Он знал, что ими не насытишься, но все-таки терпеливо жевал, потому что надежда не хочет считаться с опытом.
At nine o'clock he stubbed his toe on a rocky ledge, and from sheer weariness and weakness staggered and fell.	В девять часов он ушиб большой палец ноги о камень, пошатнулся и упал от слабости и утомления.
He lay for some time, without movement, on his side. Then he slipped out of the pack-straps and clumsily dragged himself into a sitting posture.	Довольно долго он лежал на боку не шевелясь; потом высвободился из ремней, неловко приподнялся и сел.
It was not yet dark, and in the lingering twilight he groped about among the rocks for shreds of dry moss.	Еще не стемнело, и в сумеречном свете он стал шарить среди камней, собирая клочки сухого мха.
When he had gathered a heap he built a fire,-a smouldering, smudgy fire,-and put a tin pot of water on to boil.	Набрав целую охапку, он развел костер - тлеющий, дымный костер - и поставил на него котелок с водой.
He unwrapped his pack and the first thing he did was to count his matches.	Он распаковал тюк и прежде всего сосчитал, сколько у него спичек.
There were sixty-seven.	Их было шестьдесят семь.
He counted them three times to make sure.	Чтобы не ошибиться, он пересчитывал три раза.
He divided them into several portions, wrapping them in oil paper, disposing of one bunch in his empty tobacco pouch, of another bunch in the inside band of his battered hat, of a third bunch under his shirt on the chest.	Он разделил их на три кучки и каждую завернул в пергамент; один сверток он положил в пустой кисет, другой - за подкладку изношенной шапки, а третий - за пазуху.
This accomplished, a panic came upon him, and he unwrapped them all and counted them again.	Когда он проделал все это, ему вдруг стало страшно; он развернул все три свертка и снова пересчитал.
There were still sixty-seven.	Спичек было по-прежнему шестьдесят семь.
He dried his wet foot-gear by the fire.	Он просушил мокрую обувь у костра.
The moccasins were in soggy shreds. The blanket socks were worn through in places, and his feet were raw and bleeding.	От мокасин остались одни лохмотья, сшитые из одеяла носки прохудились насквозь, и ноги у него были стерты до крови.
His ankle was throbbing, and he gave it an examination. It had swollen to the size of his knee.	Лодыжка сильно болела, и он осмотрел ее: она распухла, стала почти такой же толстой, как колено.
He tore a long strip from one of his two blankets and bound the ankle tightly. He tore other strips and bound them about his feet to serve for both moccasins and socks. Then he drank the pot of water, steaming hot, wound his watch, and crawled between his blankets.	Он оторвал длинную полосу от одного одеяла и крепко-накрепко перевязал лодыжку, оторвал еще несколько полос и обмотал ими ноги, заменив этим носки и мокасины, потом выпил кипятку, завел часы и лег, укрывшись одеялом.

He slept like a dead man.	Он спал как убитый.
The brief darkness around midnight came and went.	К полуночи стемнело, но не надолго.
The sun arose in the northeast-at least the day dawned in that	Солнце взошло на северо-востоке - вернее, в той стороне начало светать,

quarter, for the sun was hidden by gray clouds.	потому что солнце скрывалось за серыми тучами.
At six o'clock he awoke, quietly lying on his back.	В шесть часов он проснулся, лежа на спине.
He gazed straight up into the gray sky and knew that he was hungry.	Он посмотрел на серое небо и почувствовал, что голоден.
As he rolled over on his elbow he was startled by a loud snort, and saw a bull caribou regarding him with alert curiosity.	Повернувшись и приподнявшись на локте, он услышал громкое фырканье и увидел большого оленя, который настороженно и с любопытством смотрел на него.
The animal was not mere than fifty feet away, and instantly into the man's mind leaped the vision and the savor of a caribou steak sizzling and frying over a fire.	Олень стоял от него шагах в пятидесяти, не больше, и ему сразу представился запас и вкус оленины, шипящей на сковороде.
Mechanically he reached for the empty gun, drew a bead, and pulled the trigger.	Он невольно схватил незаряженное ружье, прицелился и нажал курок.
The bull snorted and leaped away, his hoofs rattling and clattering as he fled across the ledges.	Олень всхрапнул и бросился прочь, стуча копытами по камням.
The man cursed and flung the empty gun from him. He groaned aloud as he started to drag himself to his feet.	Он выругался, отшвырнул ружье и со стоном попытался встать на ноги.
It was a slow and arduous task.	Это удалось ему с большим трудом и нескоро.
His joints were like rusty hinges.	Суставы у него словно заржавели, и согнуться или разогнуться стоило каждый раз большого усилия воли.
They worked harshly in their sockets, with much friction, and each bending or unbending was accomplished only through a sheer exertion of will. When he finally gained his feet, another minute or so was consumed in straightening up, so that he could stand erect as a man should stand.	Когда он, наконец, поднялся на ноги, ему понадобилась еще целая минута, чтобы выпрямиться и стоять прямо, как полагается человеку.
He crawled up a small knoll and surveyed the prospect.	Он взобрался на небольшой холмик и осмотрелся кругом.
There were no trees, no bushes, nothing but a gray sea of moss scarcely diversified by gray rocks, gray lakelets, and gray streamlets.	Ни деревьев, ни кустов - ничего, кроме серого моря мхов, где лишь изредка виднелись серые валуны, серые озерки и серые ручьи.
The sky was gray.	Небо тоже было серое.
There was no sun nor hint of sun.	Ни солнечного луча, ни проблеска солнца!
He had no idea of north, and he had forgotten the way he had come to this spot the night before.	Он потерял представление, где находится север, и забыл, с какой стороны он пришел вчера вечером.
But he was not lost.	Но он не сбился с пути.
He knew that.	Это он знал.

Soon he would come to the land of the little sticks.	Скоро он придет в Страну Маленьких Палок.
He felt that it lay off to the left somewhere, not far-possibly just over the next low hill.	Он знал, что она где-то налево, недалеко отсюда - быть может, за следующим пологим холмом.
He went back to put his pack into shape for travelling. He assured himself of the existence of his three separate parcels of matches, though he did not stop to count them.	Он вернулся, чтобы увязать свой тюк по-дорожному; проверил, целы ли его три свертка со спичками, но не стал их пересчитывать.
But he did linger, debating, over a squat moose-hide sack.	Однако он остановился в раздумье над плоским, туго набитым мешочком из оленьей кожи.
It was not large. He could hide it under his two hands. He knew that it weighed fifteen pounds,-as much as all the rest of the pack,-and it worried him.	Мешочек был невелик, он мог поместиться между ладонями, но весил пятнадцать фунтов -столько же, сколько все остальное, - и это его тревожило.
He finally set it to one side and proceeded to roll the pack. He paused to gaze at the squat moose-hide sack. He picked it up hastily with a defiant glance about him, as though the desolation were trying to rob him of it; and when he rose to his feet to stagger on into the	Наконец, он отложил мешочек в сторону и стал свертывать тюк; потом взглянул на мешочек, быстро схватил его и вызывающе оглянулся по сторонам, словно пустыня хотела отнять у него золото. И когда он поднялся на ноги и поплелся

day, it was included in the pack on his back.	дальше, мешочек лежал в тюке у него за спиной.
He bore away to the left, stopping now and again to eat muskeg berries.	Он свернул налево и пошел, время от времени останавливаясь и срывая болотные ягоды.
His ankle had stiffened, his limp was more pronounced, but the pain of it was as nothing compared with the pain of his stomach.	Нога у него одеревенела, он стал хромать сильнее, но эта боль ничего не значила по сравнению с болью в желудке.
The hunger pangs were sharp.	Голод мучил его невыносимо.
They gnawed and gnawed until he could not keep his mind steady on the course he must pursue to gain the land of little sticks.	Боль все грызла и грызла его, и он уже не понимал, в какую сторону надо идти, чтобы добраться до страны Маленьких Палок.
The muskeg berries did not allay this gnawing, while they made his tongue and the roof of his mouth sore with their irritating bite.	Ягоды не утоляли грызущей боли, от них только щипало язык и небо.
He came upon a valley where rock ptarmigan rose on whirring wings from the ledges and muskegs. Ker-ker-ker was the cry they made.	Когда он дошел до небольшой ложбины, навстречу ему с камней и кочек поднялись белые куропатки, шелестя крыльями и крича: кр, кр, кр...
He threw stones at them, but could not hit them.	Он бросил в них камнем, но промахнулся.
He placed his pack on the ground and stalked them as a cat stalks a sparrow.	Потом, положив тюк на землю, стал подкрадываться к ним ползком, как кошка подкрадывается к воробьям.
The sharp rocks cut through his pants' legs till his knees left a trail of blood; but the hurt was lost in the hurt of his hunger.	Штаны у него порвались об острые камни, от колен тянулся кровавый след, но он не чувствовал этой боли, - голод заглушал его.
He squirmed over the wet moss, saturating his clothes and chilling his body; but he was not aware of it, so great was his fever for food.	Он полз по мокрому мху; одежда его намокла, тело зябло, но он не замечал ничего, так сильно терзал его голод.

And always the ptarmigan rose, whirring, before him, till their ker-ker-ker became a mock to him, and he cursed them and cried aloud at them with their own cry.	А белые куропатки все вспархивали вокруг него, и наконец это "кр, кр" стало казаться ему насмешкой; он выругал куропаток и начал громко передразнивать их крик.
Once he crawled upon one that must have been asleep.	Один раз он чуть не наткнулся на куропатку, которая, должно быть, спала.
He did not see it till it shot up in his face from its rocky nook.	Он не видел ее, пока она не вспорхнула ему прямо в лицо из своего убежища среди камней.
He made a clutch as startled as was the rise of the ptarmigan, and there remained in his hand three tail-feathers.	Как ни быстро вспорхнула куропатка, он успел схватить ее таким же быстрым движением - и в руке у него осталось три хвостовых пера.
As he watched its flight he hated it, as though it had done him some terrible wrong.	Глядя, как улетает куропатка, он чувствовал к ней такую ненависть, будто она причинила ему страшное зло.
Then he returned and shouldered his pack.	Потом он вернулся к своему тюку и взвалил его на спину.
As the day wore along he came into valleys or swales where game was more plentiful.	К середине дня он дошел до болота, где дичи было больше.
A band of caribou passed by, twenty and odd animals, tantalizingly within rifle range.	Словно дразня его, мимо прошло стадо оленей, голов в двадцать, - так близко, что их можно было подстрелить из ружья.
He felt a wild desire to run after them, a certitude that he could run them down.	Его охватило дикое желание бежать за ними, он был уверен, что догонит стадо.
A black fox came toward him, carrying a ptarmigan in his mouth.	Навстречу ему попалась черно-бурая лисица с куропаткой в зубах.
The man shouted.	Он закричал.
It was a fearful cry, but the fox, leaping away in fright, did not drop the ptarmigan.	Крик был страшен, но лисица, отскочив в испуге, все же не выпустила добычи.
Late in the afternoon he followed a stream, milky with lime, which ran through sparse patches of rush-grass.	Вечером он шел по берегу мутного от извести ручья, поросшего редким камышом.
Grasping these rushes firmly near the root, he pulled up what resembled a young onion-sprout no larger than a shingle-nail.	Крепко ухватившись за стебель камыша у самого корня, он выдернул что-то вроде луковицы, не крупнее обойного гвоздя.
It was tender, and his teeth sank into it with a crunch that promised deliciously of food.	Луковица оказалась мягкая и аппетитно хрустела на зубах.

But its fibers were tough. It was composed of stringy filaments saturated with water, like the berries, and devoid of nourishment.	Но волокна были жесткие, такие же водянистые, как ягоды, и не насыщали.
He threw off his pack and went into the rush-grass on hands and knees, crunching and munching, like some bovine creature.	Он сбросил свою поклажу и на четвереньках пополз в камыши, хрустя и чавкая, словно жвачное животное.
He was very weary and often wished to rest-to lie down and sleep; but he was continually driven on-not so much by his desire to gain the land of little sticks as by his hunger.	Он очень устал, и его часто тянуло лечь на землю и уснуть; но желание дойти до Страны Маленьких Палок, а еще больше голод не давали ему покоя.

He searched little ponds for frogs and dug up the earth with his nails for worms, though he knew in spite that neither frogs nor worms existed so far north.	Он искал лягушек в озерах, копал руками землю в надежде найти червей, хотя знал, что так далеко на Севере не бывает ни червей, ни лягушек.
He looked into every pool of water vainly, until, as the long twilight came on, he discovered a solitary fish, the size of a minnow, in such a pool.	Он заглядывал в каждую лужу и наконец с наступлением сумерек увидел в такой луже одну-единственную рыбку величиной с пескаря.
He plunged his arm in up to the shoulder, but it eluded him.	Он опустил в воду правую руку по самое плечо, но рыба от него ускользнула.
He reached for it with both hands and stirred up the milky mud at the bottom.	Тогда он стал ловить ее обеими руками и поднял всю муть со дна.
In his excitement he fell in, wetting himself to the waist.	От волнения он оступился, упал в воду и вымок до пояса.
Then the water was too muddy to admit of his seeing the fish, and he was compelled to wait until the sediment had settled.	Он так замутил воду, что рыбку нельзя было разглядеть, и ему пришлось дожидаться, пока муть осядет на дно.
The pursuit was renewed, till the water was again muddied.	Он опять принялся за ловлю и ловил, пока вода опять не замутилась.
But he could not wait.	Больше ждать он не мог.
He unstrapped the tin bucket and began to bale the pool.	Отвязав жестяное ведро, он начал вычерпывать воду.
He baled wildly at first, splashing himself and flinging the water so short a distance that it ran back into the pool.	Сначала он вычерпывал с яростью, весь облился и выплескивал воду так близко от лужи, что она стекала обратно.
He worked more carefully, striving to be cool, though his heart was pounding against his chest and his hands were trembling.	Потом стал черпать осторожнее, стараясь быть спокойным, хотя сердце у него сильно билось и руки дрожали.
At the end of half an hour the pool was nearly dry.	Через полчаса в луже почти не осталось воды.
Not a cupful of water remained.	Со дна уже ничего нельзя было зачерпнуть.
And there was no fish.	Но рыба исчезла.
He found a hidden crevice among the stones through which it had escaped to the adjoining and larger pool-a pool which he could not empty in a night and a day.	Он увидел незаметную расщелину среди камней, через которую рыбка проскользнула в соседнюю лужу, такую большую, что ее нельзя было вычерпать и за сутки.
Had he known of the crevice, he could have closed it with a rock at the beginning and the fish would have been his.	Если б он заметил эту щель раньше, он с самого начала заложил бы ее камнем, и рыба досталась бы ему.
Thus he thought, and crumpled up and sank down upon the wet earth.	В отчаянии он опустился на мокрую землю и заплакал.
At first he cried softly to himself, then he cried loudly to the pitiless desolation that ringed him around; and for a long time after he was shaken by great dry sobs.	Сначала он плакал тихо, потом стал громко рыдать, будя безжалостную пустыню, которая окружала его; и долго еще плакал без слез, сотрясаясь от рыданий.

He built a fire and warmed himself by drinking quarts of hot water, and made camp on a rocky ledge in the same fashion he had the night before.	Он развел костер и согрелся, выпив много кипятку, потом устроил себе ночлег на каменистом выступе, так же как и в прошлую ночь.
The last thing he did was to see that his matches were dry and to wind his watch.	Перед сном он проверил, не намокли ли спички, и завел часы.
The blankets were wet and clammy.	Одеяла были сырые и холодные на ощупь.

His ankle pulsed with pain.	Вся нога горела от боли, как в огне.
But he knew only that he was hungry, and through his restless sleep he dreamed of feasts and banquets and of food served and spread in all imaginable ways.	Но он чувствовал только голод, и ночью ему снились пиры, званые обеды и столы, заставленные едой.
He awoke chilled and sick.	Он проснулся озябший и больной.
There was no sun.	Солнца не было.
The gray of earth and sky had become deeper, more profound.	Серые краски земли и неба стали темней и глубже.
A raw wind was blowing, and the first flurries of snow were whitening the hilltops.	Дул резкий ветер, и первый снегопад выбелил холмы.
The air about him thickened and grew white while he made a fire and boiled more water.	Воздух словно сгустился и побелел, пока он разводил костер и кипятил воду.
It was wet snow, half rain, and the flakes were large and soggy.	Это повалил мокрый снег большими влажными хлопьями.
At first they melted as soon as they came in contact with the earth, but ever more fell, covering the ground, putting out the fire, spoiling his supply of moss-fuel.	Сначала они таяли, едва коснувшись земли, но снег валил все гуще и гуще, застилая землю, и наконец весь собранный им мох отсырел, и костер погас.
This was a signal for him to strap on his pack and stumble onward, he knew not where.	Это было ему сигналом снова взвалить тюк на спину и брести вперед, неизвестно куда.
He was not concerned with the land of little sticks, nor with Bill and the cache under the upturned canoe by the river Dease.	Он уже не думал ни о Стране Маленьких Палок, ни о Билле, ни о тайнике у реки Диз.
He was mastered by the verb "to eat."	Им владело только одно желание: есть!
He was hunger-mad.	Он помешался от голода.
He took no heed of the course he pursued, so long as that course led him through the swale bottoms.	Ему было все равно, куда идти, лишь бы идти по ровному месту.
He felt his way through the wet snow to the watery muskeg berries, and went by feel as he pulled up the rush-grass by the roots.	Под мокрым снегом он ощупью искал водянистые ягоды, выдергивал стебли камыша с корнями.
But it was tasteless stuff and did not satisfy.	Но все это было пресно и не насыщало.
He found a weed that tasted sour and he ate all he could find of it, which was not much, for it was a creeping growth, easily hidden under the several inches of snow.	Дальше ему попалась какая-то кислая на вкус травка, и он съел, сколько нашел, но этого было очень мало, потому что травка стлалась по земле и ее нелегко было найти под снегом.

He had no fire that night, nor hot water, and crawled under his blanket to sleep the broken hunger-sleep.	В ту ночь у него не было ни костра, ни горячей воды, и он залез под одеяло и уснул тревожным от голода сном.
The snow turned into a cold rain.	Снег превратился в холодный дождь.
He awakened many times to feel it falling on his upturned face.	Он то и дело просыпался, чувствуя, что дождь мочит ему лицо.
Day came-a gray day and no sun.	Наступил день - серый день без солнца.
It had ceased raining.	Дождь перестал.
The keenness of his hunger had departed. Sensibility, as far as concerned the yearning for food, had been exhausted.	Теперь чувство голода у путника притупилось.
There was a dull, heavy ache in his stomach, but it did not bother him so much.	Осталась тупая, ноющая боль в желудке, но это его не очень мучило.
He was more rational, and once more he was chiefly interested in the land of little sticks and the cache by the river Dease.	Мысли у него прояснились, и он опять думал о Стране Маленьких Палок и о своем тайнике у реки Дез.
He ripped the remnant of one of his blankets into strips and bound his bleeding feet. Also, he recinched the injured ankle and prepared himself for a day of travel.	Он разорвал остаток одного одеяла на полосы и обмотал стертые до крови ноги, потом перевязал больную ногу и приготовился к дневному переходу.
When he came to his pack, he paused long over the squat moose-hide sack, but in the end it went with him.	Когда дело дошло до тюка, он долго глядел на мешочек из оленьей кожи, но в конце концов захватил и его.
The snow had melted under the rain, and only the	Дождь растопил снег, и только вершушки холмов

hilltops showed white.	оставались белыми.
The sun came out, and he succeeded in locating the points of the compass, though he knew now that he was lost.	Проглянуло солнце, и путнику удалось определить страны света, хотя теперь он знал, что сбился с пути.
Perhaps, in his previous days' wanderings, he had edged away too far to the left.	Должно быть, блуждая в эти последние дни, он отклонился слишком далеко влево.
He now bore off to the right to counteract the possible deviation from his true course.	Теперь он свернул вправо, чтобы выйти на правильный путь.
Though the hunger pangs were no longer so exquisite, he realized that he was weak.	Муки голода уже притупились, но он чувствовал, что ослаб.
He was compelled to pause for frequent rests, when he attacked the muskeg berries and rush-grass patches.	Ему приходилось часто останавливаться и отдыхать, собирая болотные ягоды и луковичи камыша.
His tongue felt dry and large, as though covered with a fine hairy growth, and it tasted bitter in his mouth.	Язык у него распух, стал сухим, словно ершистым, и во рту был горький вкус.
His heart gave him a great deal of trouble.	А больше всего его донимало сердце.
When he had travelled a few minutes it would begin a remorseless thump, thump, thump, and then leap up and away in a painful flutter of beats that choked him and made him go faint and dizzy.	После нескольких минут пути оно начинало безжалостно стучать, а потом словно подскакивало и мучительно трепетало, доводя его до удушья и головокружения, чуть не до обморока.

In the middle of the day he found two minnows in a large pool.	Около полудня он увидел двух пескарей в большой луже.
It was impossible to bale it, but he was calmer now and managed to catch them in his tin bucket.	Вычерпать воду было немыслимо, но теперь он стал спокойнее и ухитрился поймать их жестяным ведром.
They were no longer than his little finger, but he was not particularly hungry.	Они были с мизинец длиной, не больше, но ему не особенно хотелось есть.
The dull ache in his stomach had been growing duller and fainter. It seemed almost that his stomach was dozing.	Боль в желудке все слабела, становилась все менее острой, как будто желудок дремал.
He ate the fish raw, masticating with painstaking care, for the eating was an act of pure reason.	Он съел рыбок сырыми, старательно их разжевывая, и это было чисто рассудочным действием.
While he had no desire to eat, he knew that he must eat to live.	Есть ему не хотелось, но он знал, что это нужно, чтобы остаться в живых.
In the evening he caught three more minnows, eating two and saving the third for breakfast.	Вечером он поймал еще трех пескарей, двух съел, а третьего оставил на завтрак.
The sun had dried stray shreds of moss, and he was able to warm himself with hot water.	Солнце высушило изредка попадавшие клочки мха, и он согрелся, вскипятив себе воды.
He had not covered more than ten miles that day; and the next day, travelling whenever his heart permitted him, he covered no more than five miles.	В этот день он прошел не больше десяти миль, а на следующий, двигаясь только когда позволяло сердце, - не больше пяти.
But his stomach did not give him the slightest uneasiness. It had gone to sleep.	Но боли в желудке уже не беспокоили его; желудок словно уснул.
He was in a strange country, too, and the caribou were growing more plentiful, also the wolves.	Местность была ему теперь незнакома, олени попадались все чаще и волки тоже.
Often their yelps drifted across the desolation, and once he saw three of them slinking away before his path.	Очень часто их вой доносился до него из пустынной дали, а один раз он видел трех волков, которые, крадучись, перебежали дорогу.
Another night; and in the morning, being more rational, he untied the leather string that fastened the squat moose-hide sack.	Еще одна ночь, и наутро, образумившись наконец, он развязал ремешок, стягивающий кожаный мешочек.
From its open mouth poured a yellow stream of coarse gold-dust and nuggets.	Из него желтой струйкой посыпался крупный золотой песок и самородки.
He roughly divided the gold in halves, caching one half on a prominent ledge, wrapped in a piece of blanket, and returning the other half to the sack.	Он разделил золото пополам, одну половину спрятал на видном издалика выступе скалы, завернув в кусок одеяла, а другую всыпал обратно в мешок.
He also began to use strips of the one remaining blanket for his feet.	Свое последнее одеяло он тоже пустил на обмотки для ног.
He still clung to his gun, for there were cartridges in that cache by the river Dease.	Но ружье он все еще не бросал, потому что в тайнике у реки Диз лежали патроны.
This was a day of fog, and this day hunger awoke in	День выдался туманный. В этот день в нем снова

him again.

пробудился голод.

He was very weak and was afflicted with a giddiness which at times blinded him.	Путник очень ослабел, и голова у него кружилась так, что по временам он ничего не видел.
It was no uncommon thing now for him to stumble and fall; and stumbling once, he fell squarely into a ptarmigan nest.	Теперь он постоянно спотыкался и падал, и однажды свалился прямо на гнездо куропатки.
There were four newly hatched chicks, a day old-little specks of pulsating life no more than a mouthful; and he ate them ravenously, thrusting them alive into his mouth and crunching them like egg-shells between his teeth.	Там было четверо только что вылупившихся птенца, не старше одного дня; каждого хватило бы только на глоток; и он съел их с жадностью, запихивая в рот живыми: они хрустели у него на зубах, как яичная скорлупа.
The mother ptarmigan beat about him with great outcry.	Куропатка-мать с громким криком летала вокруг него.
He used his gun as a club with which to knock her over, but she dodged out of reach.	Он хотел подшибить ее прикладом ружья, но она увернулась.
He threw stones at her and with one chance shot broke a wing.	Тогда он стал бросать в нее камнями и перебил ей крыло.
Then she fluttered away, running, trailing the broken wing, with him in pursuit.	Куропатка бросилась от него прочь, вспархивая и волоча перебитое крыло, но он не отставал.
The little chicks had no more than whetted his appetite.	Птенцы только раздразнили его голод.
He hopped and bobbed clumsily along on his injured ankle, throwing stones and screaming hoarsely at times; at other times hopping and bobbing silently along, picking himself up grimly and patiently when he fell, or rubbing his eyes with his hand when the giddiness threatened to overpower him.	Неуклюже подскакивая и припадая на больную ногу, он то бросал в куропатку камнями и хрипло вскрикивал, то шел молча, угрюмо и терпеливо поднимаясь после каждого падения, и тер рукой глаза, чтобы отогнать головокружение, грозившее обмороком.
The chase led him across swampy ground in the bottom of the valley, and he came upon footprints in the soggy moss.	Погоня за куропаткой привела его в болотистую низину, и там он заметил человеческие следы на мокром мху.
They were not his own-he could see that.	Следы были не его - это он видел.
They must be Bill's.	Должно быть, следы Билла.
But he could not stop, for the mother ptarmigan was running on.	Но он не мог остановиться, потому что белая куропатка убегала все дальше.
He would catch her first, then he would return and investigate.	Сначала он поймает ее, а потом уже вернется и рассмотрит следы.
He exhausted the mother ptarmigan; but he exhausted himself.	Он загнал куропатку, но и сам обессилел.
She lay panting on her side. He lay panting on his side, a dozen feet away, unable to crawl to her.	Она лежала на боку, тяжело дыша, и он, тоже тяжело дыша, лежал в десяти шагах от нее, не в силах подползти ближе.
And as he recovered she recovered, fluttering out of reach as his hungry hand went out to her.	А когда он отдохнул, она тоже собралась с силами и упорхнула от его жадно протянутой руки.
The chase was resumed.	Погоня началась снова.
Night settled down and she escaped.	Но тут стемнело и птица скрылась.

He stumbled from weakness and pitched head foremost on his face, cutting his cheek, his pack upon his back.	Споткнувшись от усталости, он упал с тюком на спине и поранил себе щеку.
He did not move for a long while; then he rolled over on his side, wound his watch, and lay there until morning.	Он долго не двигался, потом повернулся на бок, завел часы и пролежал так до утра.
Another day of fog.	Опять туман.
Half of his last blanket had gone into foot-wrappings.	Половину одеяла он израсходовал на обмотки.
He failed to pick up Bill's trail. It did not matter.	Следы Билла ему не удалось найти, но теперь это было неважно.
His hunger was driving him too compellingly-only he wondered if Bill, too, were lost.	Голод упорно гнал его вперед. Но что, если... Билл тоже заблудился?

By midday the irk of his pack became too oppressive.	К полудню он совсем выбился из сил.
Again he divided the gold, this time merely spilling half of it on the ground.	Он опять разделил золото, на этот раз просто высыпав половину на землю.
In the afternoon he threw the rest of it away, there remaining to him only the half-blanket, the tin bucket, and the rifle.	К вечеру он выбросил и другую половину, оставив себе только обрывок одеяла, жестяное ведро и ружье.
An hallucination began to trouble him.	Его начали мучить навязчивые мысли.
He felt confident that one cartridge remained to him. It was in the chamber of the rifle and he had overlooked it.	Почему-то он был уверен, что у него остался один патрон, - ружье заряжено, он просто этого не заметил.
On the other hand, he knew all the time that the chamber was empty.	И в то же время он знал, что в магазине нет патрона.
But the hallucination persisted.	Эта мысль неотвязно преследовала его.
He fought it off for hours, then threw his rifle open and was confronted with emptiness.	Он боролся с ней часами, потом осмотрел магазин и убедился, что никакого патрона в нем нет.
The disappointment was as bitter as though he had really expected to find the cartridge.	Разочарование было так сильно, словно он и в самом деле ожидал найти там патрон.
He plodded on for half an hour, when the hallucination arose again.	Прошло около получаса, потом навязчивая мысль вернулась к нему снова.
Again he fought it, and still it persisted, till for very relief he opened his rifle to unconvince himself.	Он боролся с ней и не мог побороть и, чтобы хоть чем-нибудь помочь себе, опять осмотрел ружье.
At times his mind wandered farther afield, and he plodded on, a mere automaton, strange conceits and whimsicalities gnawing at his brain like worms.	По временам рассудок его мутился, и он продолжал брести дальше бессознательно, как автомат; странные мысли и нелепые представления точили его мозг, как черви.
But these excursions out of the real were of brief duration, for ever the pangs of the hunger-bite called him back.	Но он быстро приходил в сознание, - муки голода постоянно возвращали его к действительности.
He was jerked back abruptly once from such an excursion by a sight that caused him nearly to faint.	Однажды его привело в себя зрелище, от которого он тут же едва не упал без чувств.

He reeled and swayed, doddering like a drunken man to keep from falling.	Он покачнулся и зашатался, как пьяный, стараясь удержаться на ногах.
Before him stood a horse.	Перед ним стояла лошадь.
A horse!	Лошадь!
He could not believe his eyes.	Он не верил своим глазам.
A thick mist was in them, intershot with sparkling points of light.	Их заволакивал густой туман, пронизанный яркими точками света.
He rubbed his eyes savagely to clear his vision, and beheld, not a horse, but a great brown bear.	Он стал яростно тереть глаза и, когда зрение прояснилось, увидел перед собой не лошадь, а большого бурого медведя.
The animal was studying him with bellicose curiosity.	Зверь разглядывал его с недружелюбным любопытством.
The man had brought his gun halfway to his shoulder before he realized.	Он уже вскинул было ружье, но быстро опомнился.
He lowered it and drew his hunting-knife from its beaded sheath at his hip.	Опустив ружье, он вытащил охотничий нож из шитых бисером ножен.
Before him was meat and life.	Перед ним было мясо и - жизнь.
He ran his thumb along the edge of his knife.	Он провел большим пальцем по лезвию ножа.
It was sharp. The point was sharp.	Лезвие было острое, и кончик тоже острый.
He would fling himself upon the bear and kill it.	Сейчас он бросится на медведя и убьет его.
But his heart began its warning thump, thump, thump. Then followed the wild upward leap and tattoo of flutters, the pressing as of an iron band about his forehead, the creeping of the dizziness into his brain.	Но сердце заколотилось, словно предостерегая: тук, тук, тук - потом бешено подскочило кверху и дробно затрепетало; лоб сдавило, словно железным обручем, и в глазах потемнело.
His desperate courage was evicted by a great surge of fear.	Отчаянную храбрость смыло волной страха.

In his weakness, what if the animal attacked him?	Он так слаб - что будет, если медведь нападет на него?
He drew himself up to his most imposing stature, gripping the knife and staring hard at the bear.	Он выпрямился во весь рост как можно внушительнее, выхватил нож и посмотрел медведю прямо в глаза.
The bear advanced clumsily a couple of steps, reared up, and gave vent to a tentative growl.	Зверь неуклюже шагнул вперед, поднялся на дыбы и зарычал.
If the man ran, he would run after him; but the man did not run.	Если бы человек бросился бежать, медведь погнался бы за ним.
He was animated now with the courage of fear. He, too, growled, savagely, terribly, voicing the fear that is to life germane and that lies twisted about life's deepest roots.	Но человек не двинулся с места, осмелев от страха; он тоже зарычал, свирепо, как дикий зверь, выражая этим страх, который неразрывно связан с жизнью и тесно сплетается с ее самыми глубокими корнями.
The bear edged away to one side, growling menacingly, himself appalled by this mysterious creature that appeared upright and unafraid.	Медведь отступил в сторону, угрожающе рыча, в испуге перед этим таинственным существом, которое стояло прямо и не боялось его.

But the man did not move.	Но человек все не двигался.
He stood like a statue till the danger was past, when he yielded to a fit of trembling and sank down into the wet moss.	Он стоял как вкопанный, пока опасность не миновала, а потом, весь дрожа, повалился на мокрый мох.
He pulled himself together and went on, afraid now in a new way.	Собравшись с силами, он пошел дальше, терзаясь новым страхом.
It was not the fear that he should die passively from lack of food, but that he should be destroyed violently before starvation had exhausted the last particle of the endeavor in him that made toward surviving.	Это был уже не страх голодной смерти: теперь он боялся умереть насильственной смертью, прежде чем последнее стремление сохранить жизнь заглухнет в нем от голода.
There were the wolves.	Кругом были волки.
Back and forth across the desolation drifted their howls, weaving the very air into a fabric of menace that was so tangible that he found himself, arms in the air, pressing it back from him as it might be the walls of a wind-blown tent.	Со всех сторон в этой пустыне доносился их вой, и самый воздух вокруг дышал угрозой так неотступно, что он невольно поднимал руки, отстраняя эту угрозу, словно полотнище колеблемой ветром палатки.
Now and again the wolves, in packs of two and three, crossed his path.	Волки по двое и по трое то и дело перебегали ему дорогу.
But they sheered clear of him.	Но они не подходили близко.
They were not in sufficient numbers, and besides they were hunting the caribou, which did not battle, while this strange creature that walked erect might scratch and bite.	Их было не так много; кроме того, они привыкли охотиться за оленями, которые не сопротивлялись им, а это странное животное ходило на двух ногах, и должно быть, царапалось и кусалось.
In the late afternoon he came upon scattered bones where the wolves had made a kill.	К вечеру он набрел на кости, разбросанные там, где волки настигли свою добычу.
The debris had been a caribou calf an hour before, squawking and running and very much alive.	Час тому назад это был живой олененок, он резво бегал и мычал.
He contemplated the bones, clean-picked and polished, pink with the cell-life in them which had not yet died.	Человек смотрел на кости, дочиста обглоданные, блестящие и розовые, оттого что в их клетках еще не угасла жизнь.
Could it possibly be that he might be that ere the day was done!	Может быть, к концу дня и от него останется не больше?
Such was life, eh? A vain and fleeting thing.	Ведь такова жизнь, суетная и скоропреходящая.
It was only life that pained.	Только жизнь заставляет страдать.
There was no hurt in death.	Умереть не больно.
To die was to sleep.	Умереть - уснуть.
It meant cessation, rest.	Смерть - это значит конец, покой.
Then why was he not content to die?	Почему же тогда ему не хочется умирать?
But he did not moralize long.	Но он не долго рассуждал.
He was squatting in the moss, a bone in his mouth, sucking at the shreds of life that still dyed it faintly pink.	Вскоре он уже сидел на корточках, держа кость в зубах и высасывал из нее последние частицы жизни, которые еще окрашивали ее в розовый цвет.

The sweet meaty taste, thin and elusive almost as a memory, maddened him.	Сладкий вкус мяса, еле слышный, неуловимый, как воспоминание, доводил его до бешенства.
He closed his jaws on the bones and crunched.	Он стиснул зубы крепче и стал грызть.
Sometimes it was the bone that broke, sometimes his teeth.	Иногда ломалась кость, иногда его зубы.
Then he crushed the bones between rocks, pounded them to a pulp, and swallowed them.	Потом он стал дробить кости камнем, размалывая их в кашу, и глотать с жадностью.
He pounded his fingers, too, in his haste, and yet found a moment in which to feel surprise at the fact that his fingers did not hurt much when caught under the descending rock.	Второпях он попадал себе по пальцам, и все-таки, несмотря на спешку, находил время удивляться, почему он не чувствует боли от ударов.
Came frightful days of snow and rain.	Наступили страшные дни дождей и снега.
He did not know when he made camp, when he broke camp.	Он уже не помнил, когда останавливался на ночь и когда снова пускался в путь.
He travelled in the night as much as in the day. He rested wherever he fell, crawled on whenever the dying life in him flickered up and burned less dimly.	Шел, не разбирая времени, и ночью и днем, отдыхал там, где падал, и тащился вперед, когда угасавшая в нем жизнь вспыхивала и разгоралась ярче.
He, as a man, no longer strove.	Он больше не боролся, как борются люди.
It was the life in him, unwilling to die, that drove him on.	Это сама жизнь в нем не хотела гибнуть и гнала его вперед.
He did not suffer.	Он не страдал больше.
His nerves had become blunted, numb, while his mind was filled with weird visions and delicious dreams.	Нервы его притупились, словно оцепенели, в мозгу теснились странные видения, радужные сны.
But ever he sucked and chewed on the crushed bones of the caribou calf, the least remnants of which he had gathered up and carried with him.	Он, не переставая, сосал и жевал раздробленные кости, которые подобрал до последней крошки и унес с собой.
He crossed no more hills or divides, but automatically followed a large stream which flowed through a wide and shallow valley. He did not see this stream nor this valley.	Больше он уже не поднимался на холмы, не пересекал водоразделов, а брел по отлогому берегу большой реки, которая текла по широкой долине.
He saw nothing save visions.	Перед его глазами были только видения.
Soul and body walked or crawled side by side, yet apart, so slender was the thread that bound them.	Его душа и тело шли рядом и все же порознь - такой тонкой стала нить, связывающая их.
He awoke in his right mind, lying on his back on a rocky ledge.	Он пришел в сознание однажды утром, лежа на плоском камне.
The sun was shining bright and warm.	Ярко светило и пригревало солнце.
Afar off he heard the squawking of caribou calves.	Издали ему слышно было мычание оленят.
He was aware of vague memories of rain and wind and snow, but whether he had been beaten by the storm for two days or two weeks he did not know.	Он смутно помнил дождь, ветер и снег, но сколько времени его преследовала непогода - два дня или две недели, - он не знал.

For some time he lay without movement, the genial sunshine pouring upon him and saturating his miserable body with its warmth.	Долгое время он лежал неподвижно, и щедрое солнце лило на него свои лучи, напитывая теплом его жалкое тело.
A fine day, he thought.	"Хороший день", - подумал он.
Perhaps he could manage to locate himself.	Быть может, ему удастся определить направление по солнцу.
By a painful effort he rolled over on his side.	Сделав мучительное усилие, он повернулся на бок.
Below him flowed a wide and sluggish river.	Там, внизу, текла широкая, медлительная река.
Its unfamiliarity puzzled him.	Она была ему незнакома, и это его удивило.
Slowly he followed it with his eyes, winding in wide sweeps among the bleak, bare hills, bleaker and barer and lower-lying than any hills he had yet encountered.	Он медленно следил за ее течением, смотрел, как она вьется среди голых, угрюмых холмов, еще более угрюмых и низких, чем те, которые он видел до сих пор.
Slowly, deliberately, without excitement or more than the most casual interest, he followed the course of the	Медленно, равнодушно, без всякого интереса он проследил за течением незнакомой реки почти до

strange stream toward the sky-line and saw it emptying into a bright and shining sea.	самого горизонта и увидел, что она вливается в светлое блистающее море.
He was still unexcited.	И все же это его не взволновало.
Most unusual, he thought, a vision or a mirage-more likely a vision, a trick of his disordered mind.	"Очень странно, - подумал он, - это или мираж, или видение, плод расстроенного воображения".
He was confirmed in this by sight of a ship lying at anchor in the midst of the shining sea.	Он еще более убедился в этом, когда увидел корабль, стоявший на якоре посреди блистающего моря.
He closed his eyes for a while, then opened them.	Он закрыл глаза на секунду и снова открыл их.
Strange how the vision persisted!	Странно, что видение не исчезает!
Yet not strange.	А впрочем, нет ничего странного.
He knew there were no seas or ships in the heart of the barren lands, just as he had known there was no cartridge in the empty rifle.	Он знал, что в сердце этой бесплодной земли нет ни моря, ни кораблей, так же как нет патронов в его незаряженном ружье.
He heard a snuffle behind him-a half-choking gasp or cough.	Он услышал за своей спиной какое-то сопение -не то вздох, не то кашель.
Very slowly, because of his exceeding weakness and stiffness, he rolled over on his other side.	Очень медленно, преодолевая крайнюю слабость и оцепенение, он повернулся на другой бок.
He could see nothing near at hand, but he waited patiently.	Поблизости он ничего не увидел и стал терпеливо ждать.
Again came the snuffle and cough, and outlined between two jagged rocks not a score of feet away he made out the gray head of a wolf.	Опять послышались сопение и кашель, и между двумя островерхими камнями, не больше чем шагах в двадцати от себя, он увидел серую голову волка.
The sharp ears were not pricked so sharply as he had seen them on other wolves; the eyes were bleared and bloodshot, the head seemed to droop limply and forlornly.	Уши не торчали кверху, как это ему приходилось видеть у других волков, глаза помутнели и налились кровью, голова бессильно понурилась.

The animal blinked continually in the sunshine. It seemed sick. As he looked it snuffled and coughed again.	Волк, верно, был болен: он все время чихал и кашлял.
This, at least, was real, he thought, and turned on the other side so that he might see the reality of the world which had been veiled from him before by the vision.	"Вот это по крайней мере не кажется, - подумал он и опять повернулся на другой бок, чтобы увидеть настоящий мир, не застланный теперь дымкой видений.
But the sea still shone in the distance and the ship was plainly discernible.	Но море все так же сверкало в отдалении, и корабль был ясно виден.
Was it reality, after all?	Быть может, это все-таки настоящее?
He closed his eyes for a long while and thought, and then it came to him.	Он закрыл глаза и стал думать - и в конце концов понял, в чем дело.
He had been making north by east, away from the Dease Divide and into the Coppermine Valley.	Он шел на северо-восток, удаляясь от реки Диз, и попал в долину реки Коппермайн.
This wide and sluggish river was the Coppermine.	Эта широкая, медлительная река и была Коппермайн.
That shining sea was the Arctic Ocean.	Это блистающее море - Ледовитый океан.
That ship was a whaler, strayed east, far east, from the mouth of the Mackenzie, and it was lying at anchor in Coronation Gulf.	Этот корабль - китобойное судно, заплывшее далеко к востоку от устья реки Маккензи, оно стоит на якоре в заливе Коронации.
He remembered the Hudson Bay Company chart he had seen long ago, and it was all clear and reasonable to him.	Он вспомнил карту Компании Гудзонова залива, которую видел когда-то, и все стало ясно и понятно.
He sat up and turned his attention to immediate affairs.	Он сел и начал думать о самых неотложных делах.
He had worn through the blanket-wrappings, and his feet were shapeless lumps of raw meat.	Обмотки из одеяла совсем износились, и ноги у него были содраны до живого мяса.
His last blanket was gone.	Последнее одеяло было израсходовано.
Rifle and knife were both missing.	Ружье и нож он потерял.
He had lost his hat somewhere, with the bunch of matches in the band, but the matches against his chest were safe and dry inside the tobacco pouch and	Шапка тоже пропала, но спички в кисете за пазухой, завернутые в пергамент, остались целы и не отсырели.

oil paper.	
He looked at his watch.	Он посмотрел на часы.
It marked eleven o'clock and was still running.	Они все еще шли и показывали одиннадцать часов.
Evidently he had kept it wound.	Должно быть, он не забывал заводить их.
He was calm and collected.	Он был спокоен и в полном сознании.
Though extremely weak, he had no sensation of pain.	Несмотря на страшную слабость, он не чувствовал никакой боли.
He was not hungry.	Есть ему не хотелось.

The thought of food was not even pleasant to him, and whatever he did was done by his reason alone.	Мысль о еде была даже неприятна ему, и все, что он ни делал, делалось им по велению рассудка.
He ripped off his pants' legs to the knees and bound them about his feet.	Он оторвал штанины до колен и обвязал ими ступни.
Somehow he had succeeded in retaining the tin bucket. He would have some hot water before he began what he foresaw was to be a terrible journey to the ship.	Ведерко он почему-то не бросил: надо будет выпить кипятку, прежде чем начать путь к кораблю - очень тяжелый, как он предвидел.
His movements were slow.	Все его движения были медленны.
He shook as with a palsy.	Он дрожал, как в параличе.
When he started to collect dry moss, he found he could not rise to his feet.	Он хотел набрать сухого мха, но не смог подняться на ноги.
He tried again and again, then contented himself with crawling about on hands and knees.	Несколько раз он пробовал встать и в конце концов пополз на четвереньках.
Once he crawled near to the sick wolf.	Один раз он подполз очень близко к больному волку.
The animal dragged itself reluctantly out of his way, licking its chops with a tongue which seemed hardly to have the strength to curl.	Зверь неохотно посторонился и облизнул морду, насили двигая языком.
The man noticed that the tongue was not the customary healthy red. It was a yellowish brown and seemed coated with a rough and half-dry mucus.	Человек заметил, что язык был не здорового, красного цвета, а желтовато-бурый, покрытый полусохшей слизью.
After he had drunk a quart of hot water the man found he was able to stand, and even to walk as well as a dying man might be supposed to walk.	Выпив кипятку, он почувствовал, что может подняться на ноги и даже идти, хотя силы его были почти на исходе.
Every minute or so he was compelled to rest.	Ему приходилось отдыхать чуть не каждую минуту.
His steps were feeble and uncertain, just as the wolf's that trailed him were feeble and uncertain; and that night, when the shining sea was blotted out by blackness, he knew he was nearer to it by no more than four miles.	Он шел слабыми, неверными шагами, и такими же слабыми, неверными шагами тащился за ним волк. И в эту ночь, когда блистающее море скрылось во тьме, человек понял, что приблизился к нему не больше чем на четыре мили.
Throughout the night he heard the cough of the sick wolf, and now and then the squawking of the caribou calves.	Ночью он все время слышал кашель больного волка, а иногда крики оленят.
There was life all around him, but it was strong life, very much alive and well, and he knew the sick wolf clung to the sick man's trail in the hope that the man would die first.	Вокруг была жизнь, но жизнь, полная сил и здоровья, а он понимал, что больной волк тащится по следам больного человека в надежде, что этот человек умрет первым.
In the morning, on opening his eyes, he beheld it regarding him with a wistful and hungry stare.	Утром, открыв глаза, он увидел, что волк смотрит на него тоскливо и жадно.
It stood crouched, with tail between its legs, like a miserable and woe-begone dog.	Зверь, похожий на заморенную унылую собаку, стоял, понунив голову и поджав хвост.

It shivered in the chill morning wind, and grinned dispiritedly when the man spoke to it in a voice that achieved no more than a hoarse whisper.	Он дрожал на холодном ветру и угрюмо оскалил зубы, когда человек заговорил с ним голосом, упавшим до хриплого шепота.
The sun rose brightly, and all morning the man tottered and fell toward the ship on the shining sea.	Взошло яркое солнце, и все утро путник, спотыкаясь и падая, шел к кораблю на блистающем море.
The weather was perfect.	Погода стояла прекрасная.
It was the brief Indian Summer of the high latitudes.	Это началось короткое бабье лето северных широт.

It might last a week. To-morrow or next day it might he gone.	Оно могло продержаться неделю, могло кончиться завтра или послезавтра.
In the afternoon the man came upon a trail.	После полудня он напал на след.
It was of another man, who did not walk, but who dragged himself on all fours.	Это был след другого человека, который не шел, а тащился на четвереньках.
The man thought it might be Bill, but he thought in a dull, uninterested way.	Он подумал, что это, возможно, след Билла, но подумал вяло и равнодушно.
He had no curiosity.	Ему было все равно.
In fact, sensation and emotion had left him.	В сущности, он перестал что-либо чувствовать и волноваться.
He was no longer susceptible to pain.	Он уже не ощущал боли.
Stomach and nerves had gone to sleep.	Желудок и нервы словно дремали.
Yet the life that was in him drove him on.	Однако жизнь, еще теплившаяся в нем, гнала его вперед.
He was very weary, but it refused to die. It was because it refused to die that he still ate muskeg berries and minnows, drank his hot water, and kept a wary eye on the sick wolf.	Он очень устал, но жизнь в нем не хотела гибнуть; и потому, что она не хотела гибнуть, человек все еще ел болотные ягоды и пескарей, пил кипяток и следил за больным волком, не спуская с него глаз.
He followed the trail of the other man who dragged himself along, and soon came to the end of it-a few fresh-picked bones where the soggy moss was marked by the foot-pads of many wolves.	Он шел следом другого человека, того, который тащился на четвереньках, и скоро увидел конец его пути: обглоданные кости на мокром мху, сохранившем следы волчьих лап.
He saw a squat moose-hide sack, mate to his own, which had been torn by sharp teeth.	Он увидел туго набитый мешочек из оленьей кожи - такой же, какой был у него, - разорванный острыми зубами.
He picked it up, though its weight was almost too much for his feeble fingers.	Он поднял этот мешочек, хотя его ослабевшие пальцы не в силах были удержать такую тяжесть.
Bill had carried it to the last.	Билл не бросил его до конца.
Ha! ha!	Ха-ха!
He would have the laugh on Bill.	Он еще посмеется над Биллом.
He would survive and carry it to the ship in the shining sea.	Он останется жив и возьмет мешочек на корабль, который стоит посреди блистающего моря.

His mirth was hoarse and ghastly, like a raven's croak, and the sick wolf joined him, howling lugubriously.	Он засмеялся хриплым, страшным смехом, похожим на карканье ворона, и больной волк вторил ему, уныло подвывая.
The man ceased suddenly.	Человек сразу замолчал.
How could he have the laugh on Bill if that were Bill; if those bones, so pinky-white and clean, were Bill?	Как же он будет смеяться над Биллом, если это Билл, если эти бело-розовые, чистые кости - все, что осталось от Билла?
He turned away.	Он отвернулся.
Well, Bill had deserted him; but he would not take the gold, nor would he suck Bill's bones.	Да, Билл его бросил, но он не возьмет золота и не станет сосать кости Билла.
Bill would have, though, had it been the other way around, he mused as he staggered on.	А Билл стал бы, будь Билл на его месте, размышлял он, тащась дальше.
He came to a pool of water.	Он набрел на маленькое озерко.
Stooping over in quest of minnows, he jerked his head back as though he had been stung.	И, наклонившись над ним в поисках пескарей, отшатнулся, словно ужаленный.
He had caught sight of his reflected face.	Он увидел свое лицо, отраженное в воде.
So horrible was it that sensibility awoke long enough to be shocked.	Это отражение было так страшно, что пробудило даже его оцепевшую душу.
There were three minnows in the pool, which was too large to drain; and after several ineffectual attempts to catch them in the tin bucket he forbore.	В озерке плавали три пескаря, но оно было велико, и он не мог вычерпать его до дна; он попробовал поймать рыб ведром, но в конце концов бросил эту мысль.
He was afraid, because of his great weakness, that he might fall in and drown.	Он побоялся, что от усталости упадет в воду и утонет.
It was for this reason that he did not trust himself to the river astride one of the many drift-logs which lined its sand-spits.	По этой же причине он не отважился плыть по реке на бревне, хотя бревен было много на песчаных отмелях.
That day he decreased the distance between him	В этот день он сократил на три мили расстояние

and the ship by three miles; the next day by two-for he was crawling now as Bill had crawled; and the end of the fifth day found the ship still seven miles away and him unable to make even a mile a day.	между собой и кораблем, а на следующий день - на две мили; теперь он полз на четвереньках, как Билл. К концу пятого дня до корабля все еще оставалось миль семь, а он теперь не мог пройти и мили в день.
Still the Indian Summer held on, and he continued to crawl and faint, turn and turn about; and ever the sick wolf coughed and wheezed at his heels.	Бабье лето еще держалось, а он то полз на четвереньках, то падал без чувств, и по его следам все так же тащился больной волк, кашляя и чихая.
His knees had become raw meat like his feet, and though he padded them with the shirt from his back it was a red track he left behind him on the moss and stones.	Колени человека были содраны до живого мяса, и ступни тоже, и хотя он оторвал две полосы от рубашки, чтобы обмотать их, красный след тянулся за ним по мху и камням.
Once, glancing back, he saw the wolf licking hungrily his bleeding trail, and he saw sharply what his own end might be-unless-unless he could get the wolf.	Оглянувшись как-то, он увидел, что волк с жадностью лижет этот кровавый след, и ясно представил себе, каков будет его конец, если он сам не убьет волка.

Then began as grim a tragedy of existence as was ever played-a sick man that crawled, a sick wolf that limped, two creatures dragging their dying carcasses across the desolation and hunting each other's lives.	И тогда началась самая жестокая борьба, какая только бывает в жизни: больной человек на четвереньках и больной волк, ковылявший за ним, - оба они, полумертвые, тащились через пустыню, подстерегая друг друга.
Had it been a well wolf, it would not have mattered so much to the man; but the thought of going to feed the maw of that loathsome and all but dead thing was repugnant to him.	Будь то здоровый волк, человек не стал бы так сопротивляться, но ему было неприятно думать, что он попадет в утробу этой мерзкой твари, почти падали.
He was finicky.	Ему стало противно.
His mind had begun to wander again, and to be perplexed by hallucinations, while his lucid intervals grew rarer and shorter.	У него снова начинался бред, сознание туманили галлюцинации, и светлые промежутки становились все короче и реже.
He was awakened once from a faint by a wheeze close in his ear.	Однажды он пришел в чувство, услышав чье-то дыхание над самым ухом.
The wolf leaped lamely back, losing its footing and falling in its weakness.	Волк отпрыгнул назад, споткнулся и упал от слабости.
It was ludicrous, but he was not amused.	Это было смешно, но человек не улыбнулся.
Nor was he even afraid.	Он даже не испугался.
He was too far gone for that.	Страх уже не имел над ним власти.
But his mind was for the moment clear, and he lay and considered.	Но мысли его на минуту прояснились, и он лежал, раздумывая.
The ship was no more than four miles away.	До корабля оставалось теперь мили четыре, не больше.
He could see it quite distinctly when he rubbed the mists out of his eyes, and he could see the white sail of a small boat cutting the water of the shining sea.	Он видел его совсем ясно, протирая затуманенные глаза, видел и лодочку с белым парусом, рассекавшую сверкающее море.
But he could never crawl those four miles.	Но ему не одолеть эти четыре мили.
He knew that, and was very calm in the knowledge.	Он это знал и относился к этому спокойно.
He knew that he could not crawl half a mile.	Он знал, что не проползет и полумили.
And yet he wanted to live.	И все-таки ему хотелось жить.
It was unreasonable that he should die after all he had undergone.	Было бы глупо умереть после всего, что он перенес.
Fate asked too much of him.	Судьба требовала от него слишком много.
And, dying, he declined to die.	Даже умирая, он не покорялся смерти.
It was stark madness, perhaps, but in the very grip of Death he defied Death and refused to die.	Возможно, это было чистое безумие, но и в когтях смерти он бросал ей вызов и боролся с ней.
He closed his eyes and composed himself with infinite precaution.	Он закрыл глаза и бесконечно бережно собрал все свои силы.
He steeled himself to keep above the suffocating languor that lapped like a rising tide through all the wells of his being.	Он крепился, стараясь не поддаваться чувству дурноты, затопившему, словно прилив, все его существо.

It was very like a sea, this deadly languor, that rose and rose and drowned his consciousness bit by bit.	Это чувство поднималось волной и мутило сознание.
---	---

Sometimes he was all but submerged, swimming through oblivion with a faltering stroke; and again, by some strange alchemy of soul, he would find another shred of will and strike out more strongly.	Временами он словно тонул, погружаясь в забытие и сиюсь выплыть, но каким-то необъяснимым образом остатки воли помогали ему снова выбраться на поверхность.
Without movement he lay on his back, and he could hear, slowly drawing near and nearer, the wheezing intake and output of the sick wolf's breath.	Он лежал на спине неподвижно и слышал, как хриплое дыхание волка приближается к нему.
It drew closer, ever closer, through an infinitude of time, and he did not move.	Оно ощущалось все ближе и ближе, время тянулось без конца, но человек не пошевелился ни разу.
It was at his ear.	Вот дыхание слышно над самым ухом.
The harsh dry tongue grated like sandpaper against his cheek.	Жесткий сухой язык царапнул его щеку словно наждачной бумагой.
His hands shot out-or at least he willed them to shoot out. The fingers were curved like talons, but they closed on empty air.	Руки у него вскинулись кверху - по крайней мере он хотел их вскинуть - пальцы согнулись как когти, но схватили пустоту.
Swiftness and certitude require strength, and the man had not this strength.	Для быстрых и уверенных движений нужна сила, а силы у него не было.
The patience of the wolf was terrible. The man's patience was no less terrible.	Волк был терпелив, но и человек был терпелив не меньше.
For half a day he lay motionless, fighting off unconsciousness and waiting for the thing that was to feed upon him and upon which he wished to feed.	Полдня он лежал неподвижно, борясь с забытием и сторожа волка, который хотел его съесть и которого он съел бы сам, если бы мог.
Sometimes the languid sea rose over him and he dreamed long dreams; but ever through it all, waking and dreaming, he waited for the wheezing breath and the harsh caress of the tongue.	Время от времени волна забытия захлестывала его, и он видел долгие сны; но все время, и во сне и наяву, он ждал, что вот-вот услышит хриплое дыхание и его лизнет шершавый язык.
He did not hear the breath, and he slipped slowly from some dream to the feel of the tongue along his hand.	Дыхание он не услышал, но проснулся оттого, что шершавый язык коснулся его руки.
He waited.	Человек ждал.
The fangs pressed softly; the pressure increased; the wolf was exerting its last strength in an effort to sink teeth in the food for which it had waited so long.	Клыки слегка сдавили его руку, потом давление стало сильнее - волк из последних сил старался вонзить зубы в добычу, которую так долго подстерегал.
But the man had waited long, and the lacerated hand closed on the jaw.	Но и человек ждал долго, и его искусанная рука сжала волчью челюсть.
Slowly, while the wolf struggled feebly and the hand clutched feebly, the other hand crept across to a grip.	И в то время как волк слабо отбивался, а рука так же слабо сжимала его челюсть, другая рука протянулась и схватила волка.
Five minutes later the whole weight of the man's body was on top of the wolf.	Еще пять минут, и человек придавил волка всей своей тяжестью.

The hands had not sufficient strength to choke the wolf, but the face of the man was pressed close to the throat of the wolf and the mouth of the man was full of hair.	Его рукам не хватало силы, чтобы задушить волка, но человек прижался лицом к волчьей шее, и его рот был полон шерсти.
At the end of half an hour the man was aware of a warm trickle in his throat.	Прошло полчаса, и человек почувствовал, что в горло ему сочится теплая струйка.
It was not pleasant. It was like molten lead being forced into his stomach, and it was forced by his will alone.	Это было мучительно, словно ему в желудок вливали расплавленный свинец, и только усилием воли он заставлял себя терпеть.
Later the man rolled over on his back and slept. * * * * *	Потом человек перекатился на спину и уснул.
There were some members of a scientific expedition on the whale-ship Bedford.	На китобойном судне "Бедфорд" ехало несколько человек из научной экспедиции.
From the deck they remarked a strange object on the shore.	С палубы они заметили какое-то странное существо на берегу.
It was moving down the beach toward the water.	Оно ползло к морю, едва передвигаясь по песку.
They were unable to classify it, and, being scientific men, they climbed into the whale-boat alongside and went ashore to see.	Ученые не могли понять, что это такое, и, как подобает естествоиспытателям, сели в шлюпку и поплыли к берегу.
And they saw something that was alive but which could	Они увидели живое существо, но вряд ли

hardly be called a man.	его можно было назвать человеком.
It was blind, unconscious. It squirmed along the ground like some monstrous worm.	Оно ничего не слышало, ничего не понимало и корчилось на песке, словно гигантский червяк.
Most of its efforts were ineffectual, but it was persistent, and it writhed and twisted and went ahead perhaps a score of feet an hour. * * * * *	Ему почти не удавалось продвинуться вперед, но оно не отступало и, корчась и извиваясь, продвигалось вперед шагов на двадцать в час.
Three weeks afterward the man lay in a bunk on the whale-ship Bedford, and with tears streaming down his wasted cheeks told who he was and what he had undergone.	Через три недели, лежа на койке китобойного судна "Бедфорд", человек со слезами рассказывал, кто он такой и что ему пришлось вынести.
He also babbled incoherently of his mother, of sunny Southern California, and a home among the orange groves and flowers.	Он бормотал что-то бессвязное о своей матери, о Южной Калифорнии, о домике среди цветов и апельсиновых деревьев.
The days were not many after that when he sat at table with the scientific men and ship's officers.	Прошло несколько дней, и он уже сидел за столом вместе с учеными и капитаном в кают-компании корабля.
He gloated over the spectacle of so much food, watching it anxiously as it went into the mouths of others. With the disappearance of each mouthful an expression of deep regret came into his eyes.	Он радовался изобилию пищи, тревожно провожал взглядом каждый кусок, исчезавший в чужом рту, и его лицо выражало глубокое сожаление.
He was quite sane, yet he hated those men at mealtime.	Он был в здравом уме, но чувствовал ненависть ко всем сидевшим за столом.
He was haunted by a fear that the food would not last.	Его мучил страх, что еды не хватит.
He inquired of the cook, the cabin-boy, the captain, concerning the food stores.	Он расспрашивал о запасах провизии повара, юнгу, самого капитана.

They reassured him countless times; but he could not believe them, and pried cunningly about the lazarette to see with his own eyes.	Они без конца успокаивали его, но он никому не верил и тайком заглядывал в кладовую, чтобы убедиться собственными глазами.
It was noticed that the man was getting fat.	Стали замечать, что он поправляется.
He grew stouter with each day.	Он толстел с каждым днем.
The scientific men shook their heads and theorized.	Ученые качали головой и строили разные теории.
They limited the man at his meals, but still his girth increased and he swelled prodigiously under his shirt.	Стали ограничивать его в еде, но он все раздавался в ширину, особенно в поясе.
The sailors grinned.	Матросы посмеивались.
They knew.	Они знали, в чем дело.
And when the scientific men set a watch on the man, they knew too.	А когда ученые стали следить за ним, им тоже стало все ясно.
They saw him slouch for'ard after breakfast, and, like a mendicant, with outstretched palm, accost a sailor.	После завтрака он прокрадывался на бак и, словно нищий, протягивал руку кому-нибудь из матросов.
The sailor grinned and passed him a fragment of sea biscuit.	Тот ухмылялся и подавал ему кусок морского сухаря.
He clutched it avariciously, looked at it as a miser looks at gold, and thrust it into his shirt bosom.	Человек жадно хватал кусок, глядел на него, как скряга на золото, и прятал за пазуху.
Similar were the donations from other grinning sailors.	Такие же подачки, ухмыляясь, давали ему и другие матросы.
The scientific men were discreet. They let him alone.	Ученые промолчали и оставили его во покое.
But they privily examined his bunk.	Но они осмотрели потихоньку его койку.
It was lined with hardtack; the mattress was stuffed with hardtack; every nook and cranny was filled with hardtack.	Она была набита сухарями. Матрац был полон сухарей. Во всех углах были сухари.
Yet he was sane.	Однако человек был в здравом уме.
He was taking precautions against another possible famine-that was all.	Он только принимал меры на случай голодовки - вот и все.
He would recover from it, the scientific men said; and he did, ere the Bedford's anchor rumbled down in San Francisco Bay.	Ученые сказали, что это должно пройти. И это действительно прошло, прежде чем "Бедфорд" стал на якорь в гавани Сан-Франциско.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)
[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)